

1

Печка фургона соизволила задуть теплым воздухом лишь через двадцать минут после начала поездки. Сидевший за рулем Стив щелкнул рычажком указателя поворота и свернул на узкую улочку.

— Где-то здесь, — пробормотал он.

Джимми, его напарник, отозвался с пассажирского сиденья лишенным энтузиазма хмыканьем.

Сбавив скорость, Стив завертел головой по сторонам, выискивая нужный адрес. За изгибом улочки, на задах порядком обветшавшего здания, вели оживленный разговор двое мужчин в зеленых светоотражающих куртках.

— Похоже, это там.

Подкатив к мужчинам, водитель опустил стекло:

— Я ищу Мартина Фетерстона. Мы из «Абакуса».

— Поздновато вы, — хмуро отозвался тот, что постарше.

— Час пик, как-никак. Извините.

Нисколько не смягчившийся Мартин Фетерстон велел Стиву сдать назад на поросшую сорняками асфальтовую площадку, и тот принялся выполнять распоряжение.

— Ну что за душный говнюк, — покачал головой Джимми, когда его напарник наконец заглушил двигатель.

— А чего ты ожидаешь от человека в сраное утро понедельника да на январском морозе?

— Пожалуй, ты прав.

— Ладно, двинули. Покончим с этим побыстрее.

Оба выбрались из фургона, и Фетерстон тут же направился к толстой стальной двери, опутанной цепью с увесистым замком.

— Несколько чересчур для пустого-то магазина, — заметил Стив.

— Да это чтобы чертовы сквоттеры не вломились. У нас в Гилфорде в такое здание заселились, так почти год выпроводить ублюдков не могли.

Повозившись с замком, мужчина с силой дернул дверь, затем еще раз, и лишь с третьей попытки она распахнулась настежь.

— Все уже сложено в контейнеры. — Последовали дальнейшие указания: — Освободите помещение как можно быстрее. В полдень начнут разбирать.

— Не беспокойтесь.

— Как закончите, найдете меня в бытовке.

И с этим Фетерстон удалился.

— Джимми, ты его слышал. Приступаем.

Стив поднял заднюю дверь-жалюзи фургона и вручил напарнику аккумуляторный фонарь.

— Электричества нет, а витрины заколочены, — пояснил он, включил свою лампу и медленно двинулся внутрь.

В помещении их встретили сырость и холод, в свете фонарей изо рта живописно валил пар.

— Комната для персонала, что ли, — клацая зубами, предположил Стив.

— Сколько же она пустовала?

— Да кто его знает. Может, пару лет.

— У меня от таких мест мурашки по коже.

Они принялись распахивать двери: за одной оказалась уборная, за другой — пустая кладовая. Цель их приезда обнаружилась за третьей.

— О нет! — простонал Джимми.

Глазам их предстала добрая сотня пластиковых ящиков, составленных штабелями в центре помещения. Стив подошел к ближайшему штабелю и снял крышку с верхнего ящика. Внутри оказалось именно то, что он и ожидал увидеть: куча подержанных книг. Стив достал одну, полистал, а затем понюхал.

— Слава богу, сухие, — констатировал он. — Иначе пришлось бы ехать напрямиком на свалку, а тебе — на биржу труда.

Стив и вправду испытал облегчение. Он подрядился на эту халтуру только потому, что в январе дела обыкновенно идут скверно, а счета оплачивать надо. Для выполнения сей благородной задачи вырученных за вывоз содержимого заброшенного букинистического магазина нескольких сотен фунтов определенно не хватило бы, однако оставалась еще прибыль с самого утиля. И на сегодняшнюю макулатуру у Стива уже имелся покупатель.

— Все, за работу, — объявил он и поставил лампу на пол. — Ящики сами в фургон не загрузятся.

Стало теплее, как только мужчины начали перетаскивать ящики из торгового зала в машину. Благодаря слаженным действиям и минимуму разговоров задача была выполнена всего за пятнадцать минут.

— Закончили? — осведомился запыхавшийся Джимми, который вернулся в магазин, загрузив последний ящик в фургон.

Стив окинул взглядом помещение. Не считая пустых стеллажей да конторки, больше здесь ничего не осталось.

— Ага, закончили.

— Тогда поехали?

С этими словами Джимми подхватил фонарь, всем своим видом демонстрируя нежелание оставаться в магазине дольше необходимого. Вместе мужчины двинулись наружу.

— Ты пока запирай, а я к Фетерстону загляну, — бросил Стив напарнику.

Минуту спустя он уже вернулся.

— Все в порядке?

— Ага.

Они забрались в фургон.

— У нас есть время заскочить куда-нибудь позавтракать?

Стив взглянул на часы на приборной панели.

— Нам по меньшей мере час добираться до Эджвера, а в одиннадцать уже новый подряд.

— Значит, нет?

— Не-а. Извини, братан.

Стив ввел в навигатор адрес. Вообще-то, ему претило ездить даже в пригороды Лондона, однако желающих приобрести разом несколько тысяч подержанных книг среди здешних торговцев не нашлось.

Хотел он этого или нет, но Лондон звал.

2

Неделю спустя

Сэмюэл Джонсон как-то верно подметил: «Если человек устал от Лондона, он устал от жизни».

Что до меня, то я и вовсе выдохся.

Когда одиннадцать лет назад я сошел с поезда на вокзале Кингс-Кросс, у меня возникло ощущение, будто я оказался в захватывающей стране чудес.

И вправду, мои начинания сопровождались волнительным упоением, и какое-то время чувствовал я себя совершенно потрясающе. До тех пор, пока не достиг высшей точки. Вот тогда-то и надо было уезжать, но я не уехал — все надеялся вновь испытать тот первый всплеск возбуждения. Он так и не вернулся, однако обстоятельства изменились, и я все равно остался. С тех пор мне опостытели и люди, и шум, и нескончаемый хаос.

Таков Лондон. И такова моя жизнь — вечеринка, с которой следовало слиться еще давным-давно.

— Мистер Нанн?

— Да.

— Я — Саймон Кроушоу-Смит.

Привстаю и пожимаю ему руку.

— Простите за опоздание, — говорит мужчина и усаживается за стол.

В агентстве недвижимости я сижу уже больше четверти часа.

— Пустяки, — непринужденно отмахиваюсь я.

Внимание риелтора сосредотачивается на экране компьютера.

— Насколько понимаю, у вас возникли проблемы с квартирой? — спрашивает он.

Достаю из кармана листок бумаги и вручаю ему.

— О, у вас целый список!

— Увы, да.

Кроушоу-Смит небрежно просматривает мою писанину и кладет листок в лоток с прочими бумагами.

— Что ж, можете на меня положиться, мистер Нанн, я переговорю с домовладельцем.

— Могу я поинтересоваться когда?

— Как только выдастся такая возможность.

— А точнее можете сказать?

— Домовладелец — человек весьма занятой, поэтому ничего конкретно обещать не могу.

— Послушайте, чем дольше затягивать со всеми этими проблемами, тем серьезнее они становятся. В ванной плесень, окно в спальне не открывается, а из кухонной мойки ужасно воняет.

— Понимаю-понимаю. Говорю же вам, я займусь.

— Ладно.

Я встаю.

— Мистер Нанн, прежде чем вы уйдете, позвольте напомнить вам о предстоящем в следующем месяце пересмотре платы за квартиру.

— Что, опять? Уже ведь пересматривали в прошлом году!

— Согласно вашему договору аренды, пересмотр платы проводится ежегодно.

— Могу ли я надеяться, что вы хотя бы на этот раз пересмотрите ее в сторону уменьшения?

— О, это весьма маловероятно.

— Разумеется, — вздыхаю я.

— Спрос и предложение, мистер Нанн, — усмехается риелтор. — Если вас не устраивает арендная плата, всегда можно подыскать другое жилье.

К несчастью, не вариант. Квартиру с гаражом в Лондоне днем с огнем не найти, и Кроушоу-Смит прекрасно это знает.

— Ничего, мы справимся. Как-нибудь.

Улыбаюсь на прощанье и покидаю агентство.

Снаружи немедленно налетает пронизывающий ветер, в буквальном смысле слова — от холода не спасает ни пальто, ни вся остальная одежда, ни даже плоть, коли на то пошло, поскольку пробирает меня до самых костей. Всего пять вечера, но солнце закончило свой трудовой день уже час назад. Небо темное, но Лондон

такovým никогда не бывает. Ни темным, ни тихим, ни спокойным — никогда.

Натягиваю перчатки и перехожу улицу.

Наша квартира находится в нескольких шагах от центра Кентиш-Тауна, где и располагается агентство недвижимости. Это один из наиболее доступных по цене районов в столице, хотя понятие «доступный» весьма относительно. Психотерапевту никогда не заработать на комфортное проживание в Лондоне, а мое и без того бедственное положение еще более усугубляется спорадическим доходом жены.

Мы с Лией поженились семь лет назад, и на протяжении трех последних я бесчисленное количество раз предлагал ей попробовать пустить корни в каком-нибудь другом месте, которое не высасывало бы постоянно деньги с моего банковского счета, равно как и радость из моего сердца. Однако у моей жены, лондонки до мозга костей, на данную проблему несколько иные взгляды.

Познакомились мы в одном камденском пабе за два года до свадьбы. В питейном заведении тем вечером организовали выступление для начинающих стендап-комиков, и Лия решила излить свой вольнодумный юмористический монолог на ни в чем не повинную публику. Как выяснилось позже, то было всего лишь одно из ее многочисленных мимолетных увлечений. Выступление у девушки не очень-то клеилось, и все же я внимал ей как завороченный. Ее карьера комика в тот вечер благополучно завершилась, толком и не начавшись, зато я набрался мужества и предложил угостить ее выпивкой.

Мы встречались с Лией уже три месяца, и я был влюблен в нее до самозабвения, когда она раскрыла мне подлинную причину эксцентричности своей натуры. Нет, какова все-таки ирония: женщина, которую

я полюбил, оказывается, страдает от пограничного расстройства личности. Она стойко сносила это состояние большую часть своей взрослой жизни и вынуждена терпеть его и сейчас. Быть может, Лию влекло ко мне желание иметь под рукой личного психотерапевта. Никогда не спрашивал ее об этом, но ломаю голову до сих пор.

— Я дома! — кричу я, вытирая ноги о коврик у входной двери.

Обогрев в квартире выкручен на максимум, и от резкой смены температуры у меня вспыхивают щеки.

— Я на кухне! — доносится в ответ.

Вешаю пальто и пробираюсь мимо коробок, выставленных вдоль стены прихожей.

— Это что еще такое?

Лия сидит за кухонным столом, едва ли не погребенная под горами хлама — или, как она сама предпочитает называть это, товара.

— Фредди устроил распродажу. И сделал мне выгодное предложение.

Фредди держит антикварную лавку в Холлоувее, и Лия частенько скупает у него никчемное барахло для своей палатки на рынке.

— И сколько ты купила? — спрашиваю я и протираюсь мимо очередного штабеля коробок, отхватившего себе кусок дефицитного пространства.

— Немного, всего десять коробок.

— Но, дорогая, квартира и без того вот-вот лопнет. Может, тебе все-таки стоит сосредоточиться на продаже имеющегося дерь... товара?

— Дэвид, сейчас январь, — хмурится жена. — С деньгами у людей туго, погода ужасная. Я запасуюсь на весну.

Даже не помню, сколько раз мы об этом говорили. Как правило, завершается подобный разговор обвинением, что я совершенно не понимаю ее бизнес-модель, и слезами — слезы льются почти всегда. Насколько я могу судить, бизнес-модель Лии подразумевает патологическое накопительство и эпизодическую торговлю в палатке на рынке или ремесленной ярмарке, где она выручает сумму, едва ли достаточную для покрытия счета за отопление.

День у меня выдался трудный, и желание спорить отсутствует напрочь.

— Пускай так, но мы можем хотя бы договориться не загромождать кухонный стол? Пожалуйста.

— Перепишу товар и все уберу.

Наклоняюсь и целую ее в лоб

— Вот и замечательно. Спасибо.

Лия поднимает на меня взгляд и улыбается. На лице у нее появляется практически то же самое выражение, что и девять лет назад, когда я пригласил ее в бар. Большую часть времени она излучает едва ли не детское обаяние, эдакую добросердечную невинность, за которыми, однако, скрываются строптивость и вспыльчивый нрав.

Я рискую заикнуться на еще одну заезженную тему:

— Если в палатке слишком холодно, может, пора задуматься о торговле онлайн?

Выражение лица жены в мгновение ока меняется.

— Опять ты за свое! — фыркает она. — Сколько можно повторять, я не собираюсь увеличивать прибыль уклоняющейся от уплаты налогов транснациональной корпорации!

— Но так ты распродашь залежи своих товаров всего за несколько недель!

— А мне плевать! Я лучше буду до скончания дней держать товар у себя, чем торговать в интернете!

Объявись четыре всадника Апокалипсиса у нас на пороге, им достаточно было бы взглянуть на прихожую, чтобы из соображений безопасности тут же убраться восвояси.

— Ладно. Что на ужин?

— Ты же видишь, я занята, мне не до ужина.

Маневрирую меж коробок и заглядываю в холодильник.

— Как и не до магазинов, — добавляет Лия.

Я сникаю перед почти пустыми полками.

— Яйца-то у нас остались?

— В буфете.

— Омлет с сыром?

— Да, будь так добр.

Я отнюдь не вызывался в повара, но это куда меньшая морока, чем просить жену для разнообразия отвлечься от товара и заняться готовкой.

По прошествии определенного срока я утвердился в мысли, что мне довелось жениться на женщине, олицетворяющей город ее рождения. У Лии и Лондона и вправду много общих черт: сумбурность, безалаберность, неистовость и неоднозначность. Справедливости ради, они разделяют и кое-что положительное. Иногда во время прогулки свежим осенним утром по Гайд-парку я различаю в окружающем пейзаже отсветы ее красоты. Вспоминаю о ее сострадательности, когда какая-нибудь добрая душа помогает бездомным. Вижу отблески ее остроумия в столичных музеях и галереях.

Лия, как и Лондон, склонна к крайностям. Из света в мрак, от радости к ярости. То очаровывают, то приводят в бешенство.